

*...смерть каждого Человека умаляет и меня,
ибо я един со всем Человечеством,
а потому не спрашивай никогда,
по ком звонит колокол;
он звонит и по Тебе.*

...и вот уж отзвонили по мне, а я и не знаю о том.

Да не умрёт любовь и не убьёт.

Дж. Донн (1572-1631).

О ней

Она перелистывает страницу, поднимает глаза и смотрит на меня с нежностью.

– Ты что-то сказал?

– Да нет... То есть, да, но это я не тебе – себе. Сам себе.

– Ты раздражён.

– Нет, просто Андрей позвонил, попросил выручить, у него полторы полосы пустые, и он хочет что-нибудь такое, погорячее. Обещал прислать самого лучшего журналиста и звонкий заголовок для интервью.

– Прекрасно. Чем же ты недоволен?

– Всем доволен. Но надо собраться, продумать ход беседы, вопросы, ответы, а у меня совсем нет настроения. Не люблю я на скорую руку. И всё равно ведь переврут, первый раз, что ли?

– А ты скажи об этом, в самом начале и скажи. И не стесняйся.

– Думаешь, поможет?

– Не знаю, но тебе будет чуть-чуть легче, правда?

– Умница ты моя. Так и сделаю, как ты говоришь, один к одному. Иногда, мне кажется, что ты меня знаешь лучше, чем я сам.

– Конечно. Быть рядом с тобой уже так долго – волей-неволей...

– Шуты, шуты. У меня на твои шутки ответ один, и ты его очень хорошо знаешь. И любишь.

– Ещё бы. Только об этом как раз не надо, всё равно никто не поверит. Ты им расскажи про удовольствие, про Фрейда. И про религию тоже – обязательно.

Она улыбается и смотрит на меня почти по-матерински. Советы даёт. Она меня знает, а я знаю её. Поэтому можно и улыбаться, и советовать, и много другого разного. Пока не зашло солнце и всё вокруг кажется золотым. Зато потом...

В моей жизни две страсти: моя работа и моя власть над ней, маленькой женщиной, похожей на летний дождь или восход солнца, или туман над рекой.

Женщиной, променявшей весь остальной мир на одного меня.

И я киваю головой.

– Обязательно. Спасибо тебе.

– Да за что же?

– А ты не знаешь?

– Уже знаю. Когда ты так смотришь...

– Вот за это и спасибо: и за то, что знаешь, и за то, что я смотрю на тебя именно так, а ты так об этом говоришь.

– Но ведь я здесь ни при чём. Это просто поворот судьбы, каприз, трюк.
– Чей? Твой?
– Нет, я так не умею. Судьба – это ты.
– Да? Пожалуй. Дальше.
– И дальше тоже ты. Это ведь ты мне когда-то объяснял, что человек так устроен – ему всегда хочется того, чего у него нет. И чем оно сокровеннее, тем больше радости приносит, наконец, появившись. Иногда и жизни не хватает, чтобы успеть насладиться, выпить до дна.
– А надо ли до дна? Стоит ли? И вообще – возможно ли это?
Она пожимает плечами и умоляет на минуту. Потом, прикрыв глаза, произносит:
– Я только недавно стала задумываться. Раньше просто не было времени, да и желания не было тоже. Я наслаждалась. Я наслаждалась тобой. Потому что, когда наконец я тебя добилась, все остальное стало совсем неважно и, может быть, даже не нужно. И когда так хочешь, не думаешь о цене.
Я понимаю, что разговор этот совершенно случайный и свернул не туда. А может – пусть? В конце концов, всегда можно...
– Ты говоришь об этом в прошедшем времени.
– Ты же понимаешь почему, да? Ты всегда всё понимаешь, и я привыкла. Иначе невозможно не только вынести такое – даже представить. Другое дело, когда ты меня вводишь в... – она откладывает книгу, встаёт и подходит ко мне, и садится на колени, и прижимается всем телом, и шепчет мне в шею:
– Расскажи мне, какая я в транс? Неужели на самом деле просто вещь? Тело? И куда же девается моя душа, когда ты меня...
– Тс-с-с... Я расскажу. Всё-всё, что ты хочешь. Всё, чего ты ещё не знаешь, хотя ты знаешь всё. Я расскажу. Ты слышишь меня, правда?
Она кивает и, я чувствую, улыбается. Надо же, как она... нет, как мы оба. Нельзя, нельзя слишком часто, как бы она ни просила. И я ведь устаю тоже. Но как она просит, боже мой... И какая же она сладкая, какое она чудо – там.
Да бог с ней, со статьёй.
Подождёт.

Интервью

– Итак, если вы готовы, начнём. Уважаемый Александр Александрович, про вас довольно часто и откровенно, со вкусом пишут и говорят в медиа, сравнивают с такими китами, как Фрейд и Юнг, называют революционером психоанализа и чуть ли не мессией. Медные трубы – каково это? И что это вообще – радость или всё-таки испытание?
– Скорее всего, ответственность. И не обижайтесь, вы ведь тоже принадлежите к медиа, но я ещё ни разу не читал про себя не то что умной, но сколько-нибудь правдивой статьи. Медных труб я не слышу, есть просто некий шумовой фон, не слишком назойливый. Пока мне это не мешает.
– Вы ведь не только автор нового оригинального направления психоанализа, вы ещё и практикующий психоаналитик. То есть вы каждый день сталкиваетесь с теми или иными чужими проблемами, зачастую довольно серьёзными. В какой степени всё это влияет на вашу личность, если влияет, и возможно ли при этом, просто-напросто, остаться самим собой?
– Слово «чужими» здесь неприменимо. Ни одно человеческое существо не является абсолютно независимым от общества, в котором оно живёт. Каждый из нас связан с другими бесчисленным количеством нитей. Социум – это ведь своего рода кукольный театр, в котором каждый является одновременно и марионеткой и кукловодом, а стало быть, в ответе за поступки остальных персонажей. И я не исключение. Как повлияла на меня работа? Повлияла. Раньше я был вполне уверен, что невозможное невозможно. Не считал себя мессией, ведь вы именно это слово употребили? Ну вот. Как оказалось, зря – зря не считал.
– Если я правильно понял, вы полагаете, что действительно могли бы спасти мир?
– Отнюдь. Спасение мира не есть задача мессии.
– Да? А что же тогда?
– Указать путь. А заставить по этому пути идти, это совсем другое дело. Для этого мессия не нужен.
– А кто?
– Конвой.

О ней

Снег, снег. Который день снег. Словно кто-то наверху вспорол гигантскую, нескончаемую снежную перину, и огромные тихие хлопья – мимо, мимо, мимо...

Конечно, всё началось с Ляльки. И ею же закончится. То есть не закончится никогда, потому что суть женщины в вечности, которая внутри, в ней самой. Господи, вот уж не думал никогда раньше...

Мой кабинет на последнем этаже, где высокие окна и очень много света. Если не подходить к окнам слишком близко, видно только небо и ничего больше. В дальнем углу – сразу и не заметишь – чайный столик, овальный, на витых ножках, с небольшой настольной лампой под шелковым абажуром. Напротив два пейзажа Климта. Когда я смотрю на них, время останавливается и кажется, что счастье вечно. Нет, не то сиюминутное – нахлынет и перестает дышать, а всамделишнее, долгоиграющее, которого и на свете-то нет.

Или есть?

Интервью

– Не могли бы вы кратко, в нескольких словах, объяснить суть той самой теории, может быть, правильно будет назвать её мессианской, над которой вы, собственно, и работаете все последние годы?

– Ну, если кратко... Я предлагаю вместо стрессов, конфликтов с самим собой и с окружающим миром – радость. Радость, наслаждение и гармонию с вышеупомянутым окружающим миром. И утверждаю, что такое возможно. Это – суть. Более детально с основными постулатами можно ознакомиться в специальных изданиях, в том числе в «Аспектах психоанализа». Несколько месяцев назад там была напечатана довольно пространный статья.

– Она ведь наделала немало шума, верно? В чём только вас не обвиняли – от полнейшей антинаучности до богохульства.

– Шум – это всего-навсего показатель интереса. У него есть здоровые проявления и есть уродливые. Для здорового интереса я открыт, а остальное... Видите ли, все упомянутые вами обвинения не что иное, как атрибуты страха. Когда-то они обслуживали идеологию – это время ушло. Не знаю, насовсем ли, но надолго. Остался лишь её атавизм – страх. Меня обвиняют те, кто боится. И зря. Во-первых, потому что бояться нечего, а во-вторых, потому что поздно. Лучше всего меня просто слушать.

– Вы знаете, Александр Александрович, честно говоря, я не собирался просить вас углубляться в подробности вашего метода, но то, что и как вы говорите... Это настолько необычно, что наши читатели мне бы не простили, не попытаюсь я чуть-чуть копнуть, что ли. Любопытство – естественное чувство и его надо удовлетворять, ну хоть в какой-то степени. Согласны?

– Отчего же? Тем более, что это довольно просто сделать. В специальную область я входить не буду, да и нужды такой нет, а в достаточно общей и доступной форме... Спрашивайте.

– Вот вы сказали, что это довольно просто сделать. Это говорит о простоте теории, как таковой, или о ваших незаурядных способностях упрощать сложное до понятного уровня? Понятного непрофессионалу.

– Насчёт незаурядных способностей судить не мне, но профессиональной своей я владею, а умение упрощать в неё входит. Умение контактировать – вообще. Я обязан уметь говорить с каждым на его языке и на его уровне. В данном случае этого не требуется, основная посылка, в самом деле, чрезвычайно проста.

– Как и всё гениальное?

– Хм... Это вы сказали.

– Вы правы, это я сказал. И так?

– И так... В чём, собственно, задача психоаналитика? Помочь людям с расстроенной, в силу неких причин, психикой. И чаще всего, следуя одной очень простой мысли: если невозможно изменить ситуацию, приведшую к кризису, необходимо изменить своё отношение к ней. На сознательном – подчеркиваю – на сознательном уровне. Казалось бы, единственно верный способ, на самом деле чушь. Все наши реакции даны нам от природы и являются чисто человеческими. Не будь мы людьми, реагировали бы по-другому. У человека может быть иной болевой порог, но характер его реакции на конкретные раздражители неизменен. Мы одинаково относимся к несправедливости, предательству, унижению, смерти, наконец. Это заложено в наше подсознание. Всё перечисленное и ещё многое периодически случается с каждым из нас и, значит, может в какой-то момент привести нас к кризису и, соответственно, к необходимости обратиться к специалисту.

– Следовательно, каждый из нас ваш потенциальный пациент?

– Упрощать слишком тоже ни к чему. Я уже сказал: у разных людей разный болевой порог, кроме того, разнятся и причины, вызвавшие душевный надлом, конфликт с самим собой и с окружающим миром. Есть форс-мажорные обстоятельства, а есть обычные бытовые, есть роковое стечение обстоятельств и ещё много всего. И каждая из этих причин, помноженная на восприимчивость конкретного человека в конкретный момент времени, может привести к кризису. Но дело-то как раз в том, что это нормально. Это абсолютно адекватные реакции, свойственные нашей человеческой природе. Это не страшно и в той или иной степени случается с каждым. Страшно, когда человек не способен

реагировать на все эти раздражители. Это означает, что нарушен баланс между сознательным и бессознательным – вот единственная патология.

– Звучит вполне логично. Но где же выход? Ведь то, что вы назвали такое состояние нормальным, участи не облегчает. И что же делать? Страдать? Терпеть?

– Ни в коем случае. Упиваться. Наслаждаться. Получать удовольствие. Разумеется, не от самой инципирующей ситуации, но от процесса лечения и ощущения своей способности её преодолеть.

– Получать от этого удовольствие? Такое возможно?

– Попробуйте. Только один сеанс, хотите? И вы всё поймёте сами.

– Но мне вроде помощь не...

– Не требуется? Вы ведь именно это хотели сказать? Это необязательно. Мою методику можно использовать, скажем, как превентивную меру. Результат будет таким же. А главное: вы захотите прийти ещё.

О ней

В доме запах мяты и специй, и Ляльки.

Значит, чай – мой любимый – заварен, а она ждёт, сидя в кухне и подперев ладошкой подбородок.

– Лялька!

Отчего я пугаюсь каждый раз, когда она не откликается?

– Лялька!

Она выходит из ванной, на лице хитрющая улыбка. На голове белый, махровый тюрбан, а больше на ней ничего нет. За окном – вечер, снег, сосульки.

– Лялька, я ведь с мороза.

– Мне всё равно. Обними, ну...

Я опускаюсь на колени и прижимаюсь к её животу. Он вздрагивает от моей холодной щеки, но поддаётся навстречу.

– Хочу тебя согреть. Я тёплая, я горячая, я твоя...

– У тебя кожа, как у ребёнка.

– Я и есть твой ребёнок. Ты дал мне жизнь, ты меня родил.

– Значит, я родил чудо.

– Я ужасно рада, что тебе нравится. Я ужасно рада, что твоя.

Она гладит мой колючий затылок и улыбается.

Кто сказал, что нет в жизни счастья? У него ласковые руки и дрожащие ресницы и вот этот тёплый живот. И какая, в сущности, разница, как оно наступает. И какой, к чёрту, гипноз – при чём он тут вообще?

Однажды она пришла ко мне на приём. Сначала – испуганная жизнью, молодая женщина, потом пациентка, потом объект для моих опытов. А ещё потом она осталась и стала Лялькой – моей Лялькой, моей любимой куклой, моей покорной и безропотной госпожой. Власть, она ведь обоюдна, и тот, кто её имеет, неизбежно покоряется тоже. Иногда даже в гораздо большей степени. Я об этом только догадывался, а она – она просто шла за мной. И ловушка захлопнулась. А зовут её, на самом-то деле, совсем по-другому: Ольга, Оля, Оленька. Лялька – это уже потом. Я же говорю: транс, он здесь совершенно ни при чём.

Интервью

– А может быть, именно потому ваши методы и называют неэтичными, что хочется прийти ещё?

– Это бессмысленный вопрос. Разумеется, вы пойдёте туда, где вам хорошо, где вам нравится и где вам легко. Ну а если ещё и результат налицо...

– Тем не менее ваша известность носит вполне скандальный характер.

– И пусть, и хорошо. Кстати, то, что вы назвали скандальной известностью, относится исключительно ко мне, а не к моей методике. Критикуют не её, критикуют меня. А её и рады бы, но не за что ухватиться – с этической точки зрения она безупречна. Собственно, с профессиональной точки зрения вообще.

– Допустим. Давайте, всё же, более конкретно. Основная беда нашего времени – стресс. Мы все в нём живём, а часто и умираем. Как с ним боретесь вы?

– Я с ним не борюсь. Со стихийным бедствием бороться заведомо бесполезно и с реакцией на него тоже. Тем более что, как я уже сказал, она совершенно естественна. Силы потратите, а толку ноль.

– Да, но выход, где он?

– Просто понять, что это неотъемлемая часть нашей жизни, такая же, как сон, например. И рано или поздно наступает каждого из нас. Следовательно, надо быть к этому готовым, просто научиться с этим жить. Возьмите водоворот: если сопротивляться, барахтаться – затянет и не выбраться.

Так почему бы вместо этого не дать ему увлечь вас в глубину, а когда его сила иссякнет, одно-два движения и вы на поверхности. И по-прежнему полны сил. Короче, дайте эмоциям победить, не загоняйте их вглубь, не молчите. Тот, кто молчит, утонет намного быстрее других.

– То есть утонут все?

– Разумеется, непременно. Бессмертия, к счастью, ещё не существует.

– Тогда в чём же смысл?

– В ощущении собственной силы. В удовольствии, пока не утонул.

– Звучит красиво. Но вот к вам приходит человек, у которого неприятная, даже тяжёлая жизненная ситуация: потеря работы, потеря семьи, потеря себя, наконец, да мало ли что. И вы говорите ему: «Садитесь, сейчас вы будете страдать. Во весь голос. Это не только принесёт вам облегчение, но даже доставит удовольствие. Такое, что вы захотите прийти ещё». Так?

– Очень отдалённо, но в принципе, да. Я ведь подчёркивал: нельзя слишком упрощать. Ситуации разные. Бывают очень тяжёлые, очень. Моя методика – не мистика, не волшебство, а наука, плюс опыт, плюс талант. Но и талант не всемогущ. Алгоритм, который я использую, позволяет уверенно оказать помощь восьмидесяти-восьмидесяти пяти процентам нуждающихся. Оставшиеся – это либо исключительные, совершенно нестандартные и крайне редко встречающиеся случаи, либо требующие помощи иного рода – психиатрической, с её специфическим подходом и только.

– Если всё настолько просто, почему же никто до сих пор не...

– Додумался? Во-первых, наша отрасль науки молодая, просто не успели. Во-вторых, если бы вам на голову упало яблоко, это привело бы вас к открытию закона Ньютона? Нет? А его – да, потому что он был к этому готов. Вот и я тоже был готов. И оказался в нужное время в нужном месте. А в-третьих, кто-то же должен быть первым.

О ней

Глаза и выступающие ключицы, а больше и вспомнить нечего. Совершенно не в моём вкусе: маленькая, худенькая, заморыш, другого слова не подберёшь. Но ведь и таких любят тоже, всяких любят.

Она пришла с мужем. Его почти не помню. Осталось в памяти некое пятно: серый костюм, а лица нет. Посмотришь, через пять минут забудешь, завтра уже и не вспомнишь.

Говорил главным образом он. Она сидела, глядя в пол и лишь изредка поднимая на него глаза.

Симптомы: плохой сон, быстрые и частые слёзы, подчеркнутая замкнутость, состояние подавленности, боязнь выходить из дома. Началось около полугода назад из-за серьёзных неприятностей на работе. Врач-неонатолог. Обращаться сначала никуда не хотела, а потом сама попросила, сказала, что больше не может. Муж был совершенно растерян, утверждал, что любит, всё, что надо, сделает, он ведь и живёт, собственно, для неё. И не мог понять, никак не мог понять, что дальше, и какова его роль во всей этой истории. Я даже попросил его остаться на первую беседу: необходимо было выяснить, как она реагирует на его присутствие, какое место в её жизни занимает он.

Мы разговаривали. Обо всём и ни о чём. Иногда в его, да и в её глазах проскальзывало удивление – а какое, собственно, отношение тот или иной вопрос имеет к предмету их визита? Они ведь не могли знать, что есть тщательно разработанная методика для каждого психотипа: большая часть вопросов только, чтобы отвлечь внимание, усыпить бдительность сознания. И сразу вслед важный, ключевой вопрос, ради которого я и стараюсь – тут уж не зевай, лови, делай выводы, думай.

А она, Оля – Лялька моя, прятаться и не думала. Как ребёнок, хорошая девочка из хорошей семьи: раз уж пришла сюда, сама пришла, то и отвечать надо только правду и ничего кроме. Она и отвечала, я даже пожалел, что муж сидит рядом. Первый раз и настолько откровенно... Впрочем, он не выглядел смущённым, он выглядел тревожным, озабоченным. Она улыбалась ему часто, будто жалела, так мне показалось. И я не ошибся, Лялька сама мне рассказала – потом.

– Понимаешь, трудно ему было со мной. Со мной отчего-то всем и всегда трудно.

– Неправда, – я покачал головой. – Мне нет. Нет, не было и не будет.

– И не будет, – повторила она и засмеялась – счастливая.

Интервью

– Правда ли, что ваш успех и популярность в значительной степени обусловлены тем, что вы активно применяете гипноз? Кстати говоря, особенно у женщин.

– А почему вы подчеркнули, что именно у них?

– Потому что в это время человек лишается воли. А женщины в этом смысле уязвимы особо.

– Видите ли, помимо специального я получил и обычное медицинское образование. У меня есть диплом и лицензия на работу по моей специальности, для которой внушение является обычной и общепризнанной практикой. Во время сеанса человек не лишается воли в вашем понимании, а добровольно

подвергается внушению с единственной целью: оказания ему, по возможности, быстрой и эффективной помощи. А то, что имеете в виду вы, относится не к области психоанализа, а к уголовному праву. Но это ведь совершенно другая тема, не так ли?

– Несколько минут назад вы сказали, что психоанализ – наука молодая. Но ведь о душе рассуждал ещё Аристотель?

– Об этом рассуждали все и всегда с того момента, когда человек почувствовал себя человеком. Главным образом с помощью религии и искусства. Но, как наука, прикладная наука, он появился лишь вместе с Фрейдом, то есть – только-только, чуть больше века тому назад. Правда, недавно?

– Ну, как посмотреть...

– Как ни смотрите. Он появился тогда, когда в нём возникла необходимость. Не было бы Фрейда, был бы кто-то другой. Впрочем, об этом мы с вами уже говорили.

– Говорили. А о какой необходимости речь? Я не совсем понял...

– Я объясню. Новое ведь не возникает из ничего. Что-то отмирает, мутирует, видоизменяется, приспособливается к новым условиям и потребностям. Закон сохранения энтропии ещё никто не отменял. Любая система, включая человека, стремится к стабильности, и если на каком-то этапе развития ей потребуется некий инструмент для этой цели, он не замедлит появиться. Чтобы приспособиться к изменившимся условиям жизни, человеку понадобилось нечто, помогающее ему в этих условиях соблюсти свою сущность, остаться собой. Если угодно, сохранить душу. И возник психоанализ.

– И чьё же место он занял?

– Он занял своё место. Своё собственное. Но локтями, конечно, потолкался.

– Кому же от него досталось больше всех?

– Пожалуй, религии. Возможно, её адепты с этим не согласятся, тем не менее так оно, по-видимому, и есть. Религия – любая – основана на догматах, на канонах. Именно поэтому ей стало довольно трудно поспевать за миром, который меняется со страшной скоростью. Она уже не способна защитить человека от самого себя. Она потеряла свою монополию на врачевание души.

– Если я правильно понял, теперь монополистами стали вы – адепты психоанализа?

– Дело не в названии, а в сути. Ведь тот, кто владеет душой, владеет миром. Неважно, одного человека или множества. В его руках власть. А власть – это бремя. Я не спрашиваю вас, кто готов это бремя принять, я спрашиваю, кому вы готовы, кому можно его доверить?

О ней

Её мир обрушился на меня, как хрустальный шар, и мне ничего не оставалось, как стряхивать осколки, ранились и любоваться ими одновременно, встреча за встречей.

Детей в их семье было четверо: Оля – старшая и ещё трое мальчишек. Самый младший и самый любимый – Сережёненька (его иначе и не называл никто) – утонул летом в речке, когда ему только-только пять лет исполнилось. Пошли гурьбой купаться, а родители были на работе...

– Не углядела, – шепчет она и каменеет.

Из дому ушла рано, уже в шестнадцать – не могла видеть его кровать, его игрушки.

Медучилище, работа санитаркой. До сих пор едва мороз, руки краснеют и цыпками покрываются. И непроходящее отвращение к запаху хлорки.

Потом медицинститут и уже на третьем курсе раннее замужество. Он был на одиннадцать лет старше, а влюбился в неё, как мальчишка. Взрослый, уже самостоятельный, до мозга костей положительный, квартира.

– Не вздрагиваю я, когда его вижу, понимаете? Когда дотрагиваюсь до него. Когда он до меня, – она слегка морщит нос и замолкает, видно вспоминает, как это. И вдруг вся, до корней волос краснеет от воспоминаний. Господи, бывает же ещё такое.

И всё же была она почти счастлива: сделали ремонт, квартиру обставили заново – всё, как она хотела. Закончила институт, распределилась в неонатальный центр, к грудничкам с патологией. Работу свою любила очень и детей – как будто сама родила.

Но и с грудничками несчастья случаются тоже. Вина была не её, не Олина – препарат этот, будь он неладен, брак фирмы-производителя, но новорождённый умер. И снова мальчик.

Закаменела она во второй раз. Уволилась, сидела дома, молчала сутками. Только через неделю наконец смогла заплакать. Но прошло ещё долгих, очень долгих пять месяцев, прежде чем оказалась у меня.

– Пожалуйста, доктор, что хотите. Таблетки, я даже не знаю... Мне всё равно, лишь бы поскорее. Да хоть гипноз. Я же к окнам подходить боюсь, чтобы не прыгнуть, на улицу боюсь тоже – из-за машин. Я ведь не хочу так, я жить хочу.

С гипнозом я тогда только начинал. Техникой, конечно, владел, но многое было неясно, системы, как таковой, не было: когда и какие эмоциональные центры временно купировать, как использовать существующие связи между сознанием и подсознанием, как при необходимости построить новые. Повторяю, я умел и знал – как, но вот что и зачем, и куда это должно привести, представление было очень слабое. А идти в таких случаях «на ура», надеясь на удачу... Можно, вреда особого не принесёт, но и польза будет весьма сомнительна. А время тоже ведь фактор и в её случае, возможно, решающий.

И всё же уже на четвертом сеансе я погрузил Олю в транс. Во-первых, начинать когда-нибудь надо было, и это был как раз подходящий случай, во-вторых, тот самый фактор времени, а в-третьих...

Разные люди обладают разной силой убеждения или внушения – неважно. И разной степенью этому внушению поддаваться. Всё это предельно индивидуально, двух похожих случаев быть не может. Но крайне важна полярность этих двоих: предельная сила внушения с одной стороны и предельная готовность этому внушению подчиниться с другой. Мы оказались идеальной парой. Очевидно, нечто то мне вызвало в ней неосознанное, именно неосознанное желание быть послушной. И она покорилась.

Мне не пришлось прикладывать никаких усилий, она просто заглянула мне в глаза, облегчённо улыбулась и пропала.

Она так мне и сказала:

– Ты понимаешь, я же с самой первой встречи, с первой минуты мечтала об этом: заглянуть в тебя и пропасть. Чтобы всё-всё забыть и начать сначала. И когда это случилось, мне показалось, будто я падаю долго-долго, бесконечно долго – в тебя. И я уже совсем не я, а часть тебя: рука или нога, или сердце. А может, смех твой или слёзы. И значит, моих слёз больше нет, кончились они, понимаешь? И так легко стало, что я в полной твоей власти, ничего лучше этого не было в жизни. А когда я очнулась, самая первая моя мысль: хочу ещё, хочу ещё, хочу ещё.

Она ещё не знала, куда это нас приведёт, да и я не знал тоже. Не мог знать, даже предположить не мог. А если бы даже и мог, какая, в сущности, разница?

Потому что на свет появилась Лялька, моя единственная девочка – моя любимая кукла.

Интервью

– Ну, знаете ли... Это вопрос вопросов. И власть и бремя этой власти достаются тем, кто готов их принять. Тем, кто хочет, наконец. Таковы правила игры.

– Вы путаете, это ведь не политика, а души: моя, ваша, ваших читателей, всех. И к ним эти так называемые правила игры неприменимы. Они не работают.

– А какие работают? И есть ли они вообще?

– Вы почти угадали. Правил нет. Вернее, одно-единственное: бремя власти должно находиться не у того, кто готов и хочет его принять, а у того, кто на это способен. Способен дать человеку то, к чему тот стремится. А стремимся мы все к одному: быть счастливыми. Между прочим, это даже в американской конституции записано слово в слово: «Каждый имеет право на стремление к счастью».

– Да, я слышал. Но это слишком расплывчато.

– Давайте уточним. На самом-то деле, всё просто. В жизни вообще всё гораздо проще, чем может показаться. Вот вам условия задачи:

Чего ищет человек? Утешения у Бога. Чего жаждет? Удовольствия в грехе. Чего боится? Боли, забвения и смерти. А теперь вопрос: как помочь ему утешиться, доставить удовольствие и дать возможность избежать забвения? То есть сделать его счастливым?

– Вы хотите сказать, что ваша наука на это способна? Серьёзно?

– Не обольщайтесь. Я же сказал в самом начале: я могу указать путь, больше ничего. Но и этого более, чем достаточно – за глаза.

– Да, вы говорили о пути к спасению мира, но мне, например, совершенно неясно, в чём оно заключается? Хотелось бы, так сказать, обозначить цель, назвать её.

– Пожалуйста: любовь. Любовь и только она может спасти мир. Заметьте: может – не значит спасёт.

– Тогда в чём же смысл? Тот же самый вопрос: если всё так безнадежно?

– Тот же самый ответ: в удовольствии. И от того, что знаешь, куда идёшь и от самого процесса.

Ну и Лялька, конечно.

– Простите?

– Я сказал: Лялька. Это, если хотите, мой личный талисман. И совершенно безотказный. Впрочем, это не для печати, это личное. Давайте дальше...

О ней

– А что там – за гранью? – она смотрит на меня из глубины кожаного кресла, в глазах озноб.

– Вы волнуетесь, Оля. Не надо, не о чем волноваться, уже не о чем. Что вы имеете в виду? Какую грань?

– Сознания. Грань сознания. Если забвение, то я не хочу. Забывать не хочу, хочу всё равно всё помнить. Я только очень устала, в этом всё дело.

– Я знаю, Оля. Повторю, не волнуйтесь. Вы ничего не забудете, вам ничего и не нужно забывать. А за гранью вашего сознания тоже вы, только другая, сама себе незнакомая. Вот я вас с ней и познакомя. Не сразу, постепенно, но познакомя, и вы узнаете не только себя – себя, но и себя – её. Она вам поможет, вы сами себе поможете. Обещаю.

Она кивает и почти улыбается. Ну вот, пожалуй, я уже готов. Мысли прозрачны, и я сосредоточен на ней. Ничего не мешает. Ну...

– Итак, Оля. Сейчас я...

На что это похоже – гипноз? Больше всего на поток автомобилей на перекрестке с неработающим светофором. Регулировать движение приходится мне, да так, чтобы машины не столкнулись, не застряли, чтобы водители не выскакивали из кабин, не ссорились и не размахивали руками до тех пор, пока не починят светофор. Машины – это мысли, реакции, воспоминания, желания, страхи, инстинкты, наконец. И если я замешкаюсь, не замечу, не пойму, направлю движение не туда... Страшно, да? Особенно первый раз, с новым пациентом, о котором не знаешь почти ничего.

Интересно, она своему мужу так улыбается? Ну хоть когда-нибудь? Не время об этом... давай, милая, рассказывай, смелее, ну... стоп, контрольный вопрос... нет, дальше, дальше...

То, что сейчас происходит между нами лишь средство для достижения цели. Я почти не смотрю на неё, работает моё внутреннее зрение, она мне нужна изнутри. Но и вазомоторы... Почему она улыбается? Странно, на лице радость, чуть ли не счастье и такое покорное выражение... надо заглянуть в глаза.

– Откройте глаза. На счет три...

Есть категория пациентов, для которых ты бог. Не знаю, какой химической или иной реакцией это вызвано, но встретив такое, понимаешь, что с этим человеком ты можешь сделать всё. В самом буквальном смысле. И сразу, на автомате, срабатывает предохранитель, и каждый следующий шаг с утроенной осторожностью и медленно, очень медленно, потому что омут. Затянет – не выплывешь.

Ах ты, боже мой, Лялька ты моя.

Твои мысли нежны, как твоя кожа...

Интервью

– Скажите, вот просто из любопытства, самого, что ни на есть, примитивного, детского: что такое, в сущности, гипноз? Для нас, непосвящённых.

– Прежде всего, необходимо разделить его на три составляющих: цель, то есть, для чего, в общем-то, всё затевается, метод, которым эта цель должна быть достигнута и, собственно, инструмент для её достижения – я. О цели мы с вами говорили уже достаточно, поэтому о методе. Представьте, что ваше сознание получило некую информацию, которая категорически противоречит сложившейся в нём картине мира. Вашей картине. И возникает диссонанс, кризис вашего сознания. Чтобы помочь ему, необходимо отредактировать эту информацию, подстроить её под эту самую картину мира, либо отредактировать ваше восприятие её таким же образом. Всё, что для этого необходимо, уже есть в вашем подсознании, нужно всего лишь проникнуть туда, найти там подходящее лекарство и указать ему дорогу в соответствующее место вашего сознания. Перекинуть мостик. И всё. Только вот найти такое лекарство довольно сложно, поскольку подсознание хранит огромный объём информации, а сознание создаёт постоянный шум, «фонит» и мешает поискам.

– Ага. И вы отключаете сознание, чтобы эти поиски облегчить?

– Совершенно верно. А потом снова включаю. Вот и всё. И вы перестаете бояться непонятого, неизведанного, странного, запретного, а главное – начинаете слышать себя. Мир делается из чёрно-белого цветным и радостным. Но оговорюсь. В принципе, возможно пользоваться гипнозом гораздо шире, вплоть до изменения реакций на окружающее, полного или частичного блокирования памяти – своего рода местная или общая анестезия – и ещё много чего.

– Но ведь боль иногда бывает во благо.

– Правильно. Поэтому я должен отчётливо представлять, когда, как и каким способом решить задачу. И для чего. Транс – это власть, и мы снова вернулись к вопросу, в чьих руках она должна находиться.

– Вот-вот, теперь, пожалуйста, про руки.

– Для начала необходимы определённые способности, как и в любом другом деле. Главное: абсолютная уверенность в себе и абсолютный слух – как у дирижёра. Это ведь очень похоже на оркестр, причём

огромный, со множеством инструментов. И надо отчётливо слышать каждый, чтобы ни один не сфальшивил. И помнить партитуру. Ну и дирижировать, само собой. Больше никому.

– Александр Александрович, вы в самом деле замечательно объясняете, полагаю, что это ещё один ваш дар, кроме, так сказать, основного. И я хотел бы воспользоваться. Вот все и на каждом шагу твердят: подсознание, подсознание. Но ведь никто толком не знает, что же это такое. А вы?

– Я знаю. Но не скажу.

– Почему?

– Как почему? Чтобы сохранить интригу.

О ней

– Что вы любите больше всего? Отвечайте, не задумываясь.

– Деревья.

– Почему?

– Они живые. Их можно трогать.

– Только трогать?

– Ещё прижиматься щекой к стволу, слышать, как внутри течёт сок.

– Вы это на самом деле слышите?

– Да, всегда.

– Что ещё вы любите? Кроме деревьев?

– Ромашки и ещё одуванчики.

– Почему одуванчики?

– С ними надо очень бережно. Они прозрачные, незащитные.

– Почему вы сейчас улыбаетесь?

– Мне хорошо.

– Что это значит?

– Не знаю. Это внутри.

– Вам хорошо внутри?

– Да, очень. Как одуванчики.

– Что как одуванчики?

– Как будто они трогают меня внутри. Приятно. Очень нежно.

– Но здесь нет одуванчиков.

– Я знаю.

– Вам нравится, когда вас трогают?

– Очень. Только нежно.

– Кто?

– ...

– Закройте глаза. На счёт три...

Я не спешу её будить. Пусть, пусть побудет моей Лялькой ещё немного, хотя бы минуту.

«Они трогают меня внутри – нежно. Как одуванчики». Как одуванчики, слова её – дунь и разлетятся. Беззащитные и ужасно прозрачные...

Выйдя из транса и едва открыв глаза, она произносила одну и ту же фразу:

– Как жалко. А можно ещё?

Заканчивать сеанс было почти невыносимо для нас обоих. Я хотел её, как в детстве игрушку, хотел, как куклу, как Ляльку. Я хотел её себе и для себя. Ведь я такой же, как все, как вы. И может быть, даже к счастью.

Очень может быть.

Интервью

– Ну, хорошо... Мы уже немало узнали о вашей теории, её философии, о гипнозе, как таковом. Но, в конце концов, главным всегда был и остаётся сам человек. Давайте о вас. Я бы назвал эту часть нашей беседы «Мессия без галстука».

– А почему без галстука. Чем он вам не угодил?

– Вы же знаете, есть такой вид протокола – «встречи «без галстука». Что-то в этом роде.

– Знаю, разумеется. Но, видите ли, мессия не относится к тем, кому необходимо соблюдать протокол.

Он вне протокола. Всегда. К тому же я галстуки люблю.

– Тогда предложите название сами. Согласен заранее с любым.

– Пожалуйста. «Галстук для мессии». По-моему, звучит не хуже.

- Нет, не хуже. Ну и характер у вас... Мессии, они все такие?
- Как только встречу ещё одного, поинтересуюсь. И так?
- И так – какой вы? Вы, считающий себя достойным и способным вести за собой.
- Ничего подобного. Повторяю, я никого и никуда не собираюсь вести. Я лишь указываю дорогу, указываю цель. Фонарщик, наконец, проснулся, вот и всё.
- Простите?
- Это слова из песни. Не слышали? Старая песня про фонарщика:

*А где ж та река, та гора? Притомился мой конь.
Скажите, пожалуйста, как мне проехать туда?
– На ясный огонь, моя радость, на ясный огонь.
На ясный огонь, моя радость, найдёшь без труда.*

*А где ж этот ясный огонь? Почему не горит?
Сто лет подтираю я небо ночное плечом...
– Фонарщик был должен зажечь, но фонарщик тот спит,
Фонарщик тот спит, моя радость, а я не при чём.*

- Да, понимаю... А ведь вы романтик, Александр Александрович.
- Упаси бог. Я фокусник. Иллюзионист. Маг. Волшебник, наконец. Я могу помочь каждому понять, что ему больше всего необходимо. И указать дорогу. Фонарщик проснулся.
- Означает ли это, что вы, как личность, этим пониманием уже обладаете? По отношению к самому себе?
- Я продвинулся гораздо дальше. Я пришёл не только к пониманию того, что мне необходимо больше всего, но и к обладанию самим этим предметом.
- Могу ли я поинтересоваться, что это за предмет?
- Можете. Но ответа не получите, хотя я этот предмет в нашем разговоре упоминал...
- Простите. Но в таком случае вы – счастливы?
- И да и нет.
- Но почему?
- Мне ведь не надо вам объяснять, что платить приходится за всё? За счастье, представьте себе, тоже. Кроме того, его ещё надо уметь удерживать. Оно ведь, знаете, очень похоже на одуванчик: дунь, и нет его – на то оно и счастье.
- Возможно, мой следующий вопрос покажется вам не вполне корректным, но я не могу его не задать. И прошу вас на него ответить, договорились?
- Если он имеет прямое отношение к теме...
- Безусловно. Скажите, какие, собственно, есть основания у меня, у наших читателей, у кого угодно вам верить? Верить вашей теории, вашим словам, вообще, всему, о чём мы с вами сегодня тут говорили?
- Никаких. Более того, ни малейших. Если это сделает вас счастливее, не верьте. Я ведь никого не тащу насильно и ничего не навязываю. Да и как это возможно – заставить человека быть счастливым? Или я ошибаюсь?
- В общем, непохоже. Непохоже, что ошибаетесь. И тем не менее...
- Вы никак не хотите уяснить одну крайне существенную деталь: вам и всем тем, о ком вы говорите, нечего терять. Я ни у кого ничего не забираю, я только предлагаю – берите. Но наш мир устроен таким образом, что подавляющему большинству гораздо проще и привычнее обходиться тем, что есть. По той причине, что, вместе с обретением появляется вероятность потери или понимание, что чего-то уже не вернуть, не успеть. Осознание себя не приходит, не даётся просто так, я ведь сказал, что за всё приходится платить. Выбирайте.
- А вам не кажется, что не каждый человек способен впервые посмотреть на солнце и не ослепнуть?
- Каждый. Каждый, кто захочет, если правильно смотреть. Этому я его научу.
- Можно конкретней?
- В нашем подсознании есть от природы всё, что необходимо. Она позаботилась о нас гораздо лучше, чем мы можем представить. Надо лишь использовать эти до поры скрытые возможности. Именно это я и предлагаю сделать. И именно об этом мы говорим уже довольно много времени, вы не находите?
- Вы правы. Но, во-первых, потому что интересно и замечательный собеседник, во-вторых, мы уже почти закончили. У меня к вам осталось, строго говоря, три вопроса.
- Начните с первого.

Она вернулась только через три недели, я уже почти перестал ждать. Вернее, уже почти не надеялся увидеть. И разговор у нас вышел рваный и больной.

Короткая чёрная юбка, блузка из синего шёлка, расстёгнутая, по крайней мере, на две пуговики больше, чем следовало, чёрные колготки, туфельки, неожиданно умело подведённые глаза. Совершенно беспомощное выражение лица.

– Здравствуйте.

– Добрый день. Я вас слушаю.

– Я была у вас три недели назад...

– Я помню.

– Вы назначили мне прийти через неделю, я не смогла... Но ведь это не помешает мне... нам продолжить лечение? Не помешает?

Я молчу. Молчу и смотрю на неё в упор. Взмах ресниц, поднимает на меня глаза.

– Почему вы молчите?

– А что вы хотите услышать? И что я должен, по-вашему, сказать?

– Я понимаю, что так нельзя. Но я не могла. Муж должен был позвонить вам, предупредить.

– Он позвонил и предупредил.

– Ну вот. Я пришла сегодня.

– Оля, скажите, вы знаете, к кому вы пришли? Кто сидит напротив – знаете?

– Да. Я не понимаю...

– Я психоаналитик, это моя специальность, моя профессия. Я вижу ваше лицо, вижу, как вы одеты и для чего. Я много чего вижу. Но я жду.

– Чего?

– Правду.

– Вы же и так можете узнать, под гипнозом.

– Вы ошибаетесь. Не в том, что я могу – я могу. Но в транс вы говорите мне о том, чего не осознаете сами. А я хочу услышать от вас то, для чего транс не нужен. То, что вы можете сказать, вы должны сказать мне без всякого гипноза. Иначе у нас ничего не получится, даже и пытаться не стоит.

– Мне трудно так. Я попробую, только вы спрашивайте, хорошо?

Я беру ручку и начинаю постукивать по столу. И смотрю в окно.

– Вы могли прийти, но не пришли, так? Почему?

– Я испугалась...

– Чего? Вам что-то мешало во время первого сеанса?

– Нет, что вы, совсем нет. Наоборот.

– Наоборот? Как это понять?

– Я... Мне было очень хорошо. Слишком хорошо. Так хорошо, что я...

– Вы сказали – вы испугались.

Она кивает.

– Да, очень...

– Чего? Того, что хорошо?

– Нет, того, что очень. Мне не хотелось уходить отсюда.

– Понятно. Но вы, тем не менее, вернулись. Зачем?

Я вижу, как белеют её пальцы, сжатые в кулаки. Она опускает глаза.

– Я больше не могла. Мне почти каждую ночь снится ваш голос, каким я его слышала там. Ваши глаза, ваши руки. Вы... вы меня трогаете, и мне этого хочется. Больше всего на свете. Загипнотизируйте меня. Ну, пожалуйста, я вас очень прошу.

– Посмотрите на меня. Прямо в глаза. А теперь уходите. Придёте, когда успокоитесь или не приходите совсем, понятно? И запомните: здесь правила назначаю я. До свидания.

Она позвонила через день. Пришла. Выглядела на этот раз совершенно обычно: повседневная одежда, минимум макияжа. Мы разговаривали и только. Она ничего не просила, отвечала на вопросы. В транс я её не вводил. Собираясь уходить и уже держась за ручку двери, Лялька обернулась и сказала:

– А вы знаете, сегодня было не хуже, может быть, даже... не то, чтобы лучше, оттенок другой, что ли... мне понравилось.

Я чувствовал себя рыбаком, вытацившим из воды золотую рыбку. Станным был только металлический привкус во рту, да и откуда мне было знать, какой он на вкус – рыболовный крючок?

И наступил следующий раз. И ещё один, и ещё.

Я с лёгкостью погружал её в гипнотический транс и открывал в ней то, что было скрыто, забыто, подавлено. Загнано в самые дальние и пыльные уголки. Я открывал Ляльку – и ей, и себе.

Она рассказывала мне о бабочках и листьях с серебристыми прожилками, об изумрудных майских жуках. О сирени и о вкусе её первого мужчины. О лесном озере с первым ломким льдом по самому краю. Как в него упало небо и опоздавшие с отлётом гуси, разбегаясь перед взлётом, перебирали лапками облака. И ещё о многом.

Однажды она попросила, чтобы я держал её за руку. Пока я раздумывал, её рука уже оказалась в моей, и я не помню, как это произошло, но захотел я её по-настоящему именно тогда. Тем не менее ещё целых несколько недель я её не трогал. Вернее, как раз трогал. Пролдлевал предвкушение женщины уже моей, но ещё ею не ставшей. Лишь кончики наших пальцев ласкали друг друга. Я тянул и тянул, я не хотел её слишком быстро. Я даже сомневался, ведь я ещё не знал, что есть женщины, которые не приедаются никогда. Которых всегда мало.

Которые – Лялька...

Интервью

– На чём основано ваше убеждение, что предлагаемое вами человечеству как раз то, что ему больше всего нужно? Можно ведь допустить, что неверна сама посылка? И есть ли для вас табу? Нечто такое, что преступить невозможно никогда.

– Допустить нельзя. Основания у меня простые – логика. Обычная, человеческая логика и отнюдь не заумная. Когда человек счастлив, он добр. Когда он добр, он не причинит другому зла, а стало быть, никто не причинит зла и ему. То есть наступит гармония. Не улыбайтесь так снисходительно, я не хуже вас понимаю, что это неосуществимо. Зло может прийти и остаться само, счастье надо ещё удерживать. С моей помощью сделать это гораздо легче, только и всего. Табу есть всегда и везде, по крайней мере, должно быть. Моё табу основано на этике, на трёх её положениях, с которыми я соотношу всё. Два из них вам известны: не делай другому того... и далее по тексту, и – моя свобода заканчивается там, где начинается ваша, подчеркиваю, не наоборот, не ваша начинается там, где заканчивается моя, понимаете разницу?

– А третье?

– Вам известны два философских определения свободы? Первое утверждает, что свобода есть неосознанная необходимость, второе, что наоборот – осознанная. Правило, которому я следую, гласит: чтобы я мог позволить себе жить по первому определению, кому-то с неизбежностью придётся жить по второму. И об этом надо помнить всегда. Дуализм мира проявляется и в этом тоже. Впрочем, он проявляется во всём. И ваш последний вопрос...

О ней

И случилось непоправимое, так об этом обычно пишут в книгах. Это когда нечто случается и всё тут. Как молнией в дерево, или небо голубое, и вдруг ливень, или стихии.

Этот транс должен был стать последним. Позади остались слёзы, фобии, депрессия и бессонные ночи. Оля преобразилась вся, и внешне тоже. Вместо заморыша появилась стройная молодая женщина с блестящими глазами и улыбкой, которую не скрыть.

Мы, конечно же, оставались на «вы».

Она вошла, закрыла за собой дверь и сказала:

– Я не понимаю, не понимаю, чего же ты ждёшь? Я же вижу... Я не спрашиваю, хочешь ли ты – я знаю ответ. Может, мы больше не увидимся никогда, может, я завтра умру, я же не прощу себе даже там. И тебе не прощу, слышишь? Что так и не... Ну что же ты молчишь, отвечай...

– Оля, понимаешь, – я выхожу из-за стола. – Понимаешь, всё последнее время, последние недели я думаю об одном...

– О чём?

– Что твоё лечение заканчивается и это может означать одно из двух: то ли я становлюсь тебе совсем не нужен, то ли, напротив, совершенно необходим. И я не могу найти ответ.

– Тогда за тебя отвечу я. Иди же ко мне. Скорее, ну...

Муж вошёл с чемоданами, поставил их и, глядя в пол, произнёс:

– Берегите её. Надеюсь, у вас получится. Очень надеюсь.

Через два дня его опель врезался в стену тоннеля. Ночью. В крови нашли какое-то совершенно чудовищное количество алкоголя.

Она сказала:

– Прежде он никогда не пил, совсем.

Она сказала:

– Это я его убила.

Она сказала:

– Бог троицу любит...

...просто не хотела жить. Я боялся, что она наложит на себя руки. Единственным выходом было держать её в трансе и ждать, надеясь на чудо, другого способа я просто не видел, а может, его не было вовсе. Я погружался в транс вместе с ней, бродил по закоулкам её души и повсюду натёкался на одно и то же – на смерть. В одно из своих редких пробуждений, едва открыв глаза, она прошептала:

– Я больше не могу так. Убей меня...

Не знаю точно, сколько ещё это длилось, но в какой-то момент я понял, что выхода нет.

Ни у неё – Ляльки, ни у меня и...

Отовсюду напал какой-то серый туман, заволакивая всё, проникая везде. Её душа не сопротивлялась, она была готова. Я отступал, уходил, я терял её навсегда. Последнее, что я смог уловить, словно в самом деле произнесённое его вслух: «Мне страшно».

А дальше...

Долго рассказывать, да и к чему. Но именно в этот момент всё закончилось и всё началось. Водоворот потерял свою силу, а я обрёл. Потому что родилась Лялька, а что ещё надо было мне, чтобы стать счастливым?

Или, в крайнем случае, мессией.

Интервью

– Нет ли у вас опасений, что ваши пациенты, грубо говоря, подсядут на состояние транса и удовольствие, которое вы им обещаете? И как быть тогда?

– Хм... Вот это я и имел в виду, говоря, что большинству гораздо легче обходиться тем, что есть. Не верить гораздо проще, чем попытаться. Это я, мессия, вам говорю.

– Спасибо за интервью.

– Спасибо вам.

О нас

– Я даже не ожидал, в первый раз ничего не переврали и не перепутали. Вполне приличный парень оказался журналист этот, Андрей слово сдержал.

– Саша, я ведь, знаешь, тоже никогда по-настоящему не понимала эту твою теорию. Она давала мне такую степень близости к тебе и с тобой, что о большем я не задумывалась. А теперь, после этого интервью...

– Задумалась?

– Нет, поняла. Что она может быть не только средством, а и целью. Там очень много всего, я не знаю, как сказать, как объяснить... Но за этим гораздо больше, чем ты сказал, гораздо больше, чем сказать хотел.

– Может, и так, милая ты моя, скорее всего так...

– И ещё мне ужасно интересно – тот вопрос, на который ты не ответил, насчёт подсознания. Сказал, что хочешь сохранить интригу.

– Правильно, надо соблюдать законы жанра. Как же иначе?

– Иначе – это ты и я. Мужчина и его женщина. Вот и весь закон.

– И он мне по душе, Лялька ты моя.

– А ты мне. По душе, в душе и как хочешь.

– Вот-вот. Это и есть ответ на тот самый вопрос.

– Хочу его услышать.

– Так я не шучу, это и есть ответ: душа. Подсознание – это душа. На самом деле, так невероятно просто и логично. И понял я это благодаря тому, что произошло с тобой, и всё сразу встало на свои места – в тот самый момент. Картина сложилась.

- В какой момент?
 - Ты уверена, что хочешь услышать? Это... в общем, не самое приятное воспоминание.
 - Но это ведь только воспоминание, сейчас это совсем неважно, Саша. Ну?
 - Видишь ли, это был момент твоей смерти, Лялька. Вот как. Ты не хотела жить, поэтому умерла.
 - А что же?... А почему же я ничего не помню? Ничего не знаю? Как такое может быть?
 - Всё может быть и это тоже. Но это уже только воспоминание – ты права, ты права, ты права.
 - И как это было? И если я... умерла, почему живая? И кто меня... Боже мой, Сашенька, неужели ты?
- Конечно, ты, кому же ещё-то, господи! Поверить в такое... Ну, говори, говори! Пожалуйста!
- Серый туман. Отовсюду серый туман. Это и была твоя смерть, ласточка моя. Я был там, в твоём сознании, я всё видел, всё понимал и ничего не мог поделать – ты просто не хотела жить. Последнее, что я услышал: «Мне страшно».
 - Дальше, дальше...
 - Ты врач, тебе ведь не надо объяснять, что такое смерть, да? По каким-то причинам отказывают жизненно важные органы, без которых жизнь невозможна. У тебя отказало сознание, понимаешь? В нём скопилось столько боли, что она просто забила все каналы информации, лишила тебя связи с окружающим миром и даже с подсознанием, то есть, с твоей собственной душой. Такое случается очень-очень редко, исчезающе редко.
 - Тогда почему я не сошла с ума?
 - Ты задаёшь ужасно правильные вопросы, словно уже знаешь ответ.
 - Я знаю тебя, вот и все. Ну?
 - А у сумасшедших связь с подсознанием, с душой не нарушена, она существует. Беда в том, что у них как раз душа-то и больна, понимаешь? Неслучайно ведь их называют душевнобольными тоже. Это синонимы. Ты – совсем другой случай.
 - Дальше.
 - Дальше, Лялька, наступила смерть. Обратимая смерть, так я это называю.
 - Я понимаю. Что-то вроде клинической, да?
 - Вроде. И сразу исчез болевой фон – то, что мешало – ведь боль умерла вместе с тобой. И твоя душа оказалась доступной. Вот и всё.
 - Как же всё? Ведь именно в этот момент... Ты сам сказал.
 - Да, и так оно и было на самом деле: я увидел её, и проник в неё, и понял её. И сделал то, что было необходимо, вновь соединил твоё умершее сознание и твою живую душу. Мне даже не пришлось создавать новые связи, я использовал существующие, только и всего. Они оказались в полном порядке, я просто открыл шлюзы – всюю, как только мог. И лекарство хлынуло. И ты ожила.
 - Саша, я... Какое лекарство? Какие связи? Я не могу поверить. Не могу. Это не укладывается в голове.
 - И не надо. Это всего лишь воспоминание, правда? Главное – вот она ты и много-много одуванчиков внутри.
 - Одуванчики, да... Нет, погоди. Значит, правда, что душа не умирает? Господи, неужели правда? И тогда... А ещё про шлюзы объясни мне, и самое главное, что же там – в душе? Что там?
 - Одуванчики, что же там может быть ещё? То, что доставляет удовольствие, даёт силы жить: любовь, добро, свет – одуванчики... А про шлюзы, это очень, ну очень просто. Сознание и подсознание обмениваются информацией. Из подсознания, из души эта информация проходит свободно, ведь одуванчики не могут навредить, понимаешь? Они не угрожают сознанию, наоборот, они помогают, подсказывают, лечат. А из сознания поступает всё подряд, вся наша жизнь со всем, что в ней есть, и плохим и хорошим. Шлак, слишком много шлама. Поэтому на его пути поставлен фильтр, который мы называем совестью. Если он в порядке, душа остаётся чистой, доброй, полной...
 - Одуванчиков.
 - Ну да, ещё каких.
 - А если нет?
 - Тогда получается то самое сумасшествие, душевное заболевание, о котором ты спрашивала – заболевает душа.

Она

Я смотрю на тебя долго, так долго, что всё почему-то начинает дрожать и расплываться перед глазами, и я понимаю, что плачу.

- Саша, миленький, прости, я...
- Т-с-с-с. Не надо ничего говорить. Всё уже прошло, и слезы эти не от боли, а детские и беззаботные, слышишь? Они прольются и забудутся, я обещаю. Ведь ты родилась заново, ты мой ребёнок, моя Лялька.

- Я тебе верю. Всё, что ты говоришь, сбывается.
- Конечно, иначе и быть не может. Вот и ты сбывалась тоже.
- Да, хоть я и не понимаю, как ты это делаешь, просто иду за тобой и всё. На ясный огонь.
- Ты и это запомнила?
- Я не запомнила, я не забывала. Ничего, ни единого слова.
- Я твоих тоже. Помнишь: «Тогда за тебя отвечу я. Иди же ко мне. Скорее, ну...». Помнишь?
- Как давно это было!
- Пусть, но мне стоило только позвать, просто позвать, как тогда, как сейчас, как всегда.
- Дальше, Саша, дальше.
- И твоя душа раскрылась. А любви оказалось столько, что ты вернулась.
- Тогда... Иди же ко мне. Скорее, ну.

Мы

- Ты знаешь, я понял, что это такое: «счастлив, дальше некуда».
- Её волосы щекочут мне подбородок, она трётся щекой о мою руку и спрашивает:
- Ну скажи...
- А вот когда, как сейчас, на левом боку. И ничего больше. Почти ничего.
- А почему почти?
- Не знаю, просто так всё устроено. Так я устроен. Наверное, поэтому.
- И правильно. Ты – мужчина. Ты за всё отвечаешь.
- Это днём, это не сейчас. Сейчас только за тебя.
- Ага. Я хочу, чтобы за меня – всегда.
- Так и есть с самого начала.
- Ещё с транса?
- Так ведь именно с него-то всё и началось. Начались мы. Помнишь?
- Я помню только твой голос и твои руки. Больше ничего.
- Так это главное – мой голос и мои руки.
- Да. И без всякого транса, а как сейчас.
- Ну и слава богу. Он тебе больше не нужен.
- Не нужен. Мне нужен ты, тогда во всём появляется смысл.
- Серый туман больше не вернётся, слышишь?

Я прижимаю её к себе ещё крепче и шепчу, шепчу ей на ухо разные глупости и разные радости – без конца.

Острее, чем обычно я чувствую, что времени нет, потому что рядом с ней даже оно превращается в вечность. Я хочу её всё больше и больше с каждым разом – мою Ляльку. И совсем не удивляюсь, что никто больше мне и не нужен, пусть даже это против нашей мужской природы. А если это так, то причина может быть только одна: бог, который и есть любовь.

Но всё же, если бы вы только знали, как она умеет просить. И какое же она чудо – там. Так, может быть?

- Лялька?
- Что, милый?
- Давай-ка спать, а? Пора.
- Ага. Я ужасно сонная...
- Сейчас я... На счёт три...

* В текст включен отрывок из песни Булата Окуджавы «Ночной разговор».